

Bibliography

1. Gligich-Zolotareva, M.V. Pravovihe osnovnih federalizma. – M., 2006.
2. Gligich-Zolotareva, M.V. O sudjbach federalizma v Rossii // Konstitucionnoe i municipaljnoe pravo. – 2006. – № 2.
3. Istorija Drevnego mira. Drevnij Rim / A.N. Bardak, I.E. Voyjnich, N.M. Volchek [i dr.]. – M., 1998.
4. Avakjyan, S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnyj kurs. – M., 2005. – Т. 2.
5. Bochilo, A.E. Osnovnihe prava cheloveka i federativnaya forma gosudarstvenno-territorialjnogo ustrojstva // Osnovnihe prava cheloveka v Konstitucii Rossijskoj Federacii: koncepciya i praktika: materialih mezhtregionalnoj n/p konf., posvyathennoj 15-letiyu Konstitucii RF i 60-letiyu Vseobthej Deklaracii prav cheloveka, Barnaul 20-21 noyabrya 2008 g.. – Barnaul, 2009.
6. Amerikanske federalistih: Gamiljton, Mehdison, Dzhej: izbr. st. – M., 1990.
7. Khesse, K. Osnovih konstitucionnogo prava FRG. – M., 1981.
8. Strashun, B.A. Territorialjnoe ustrojstvo gosudarstva // Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnihk stran / otv. red. B.A.Strashun. – M., 1995. – Т. 2.
9. Baglaj, M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. – M., 2006.
10. Dobrihnin, N.M. Federalizm v Rossii: ocenka sostoyaniya i puti resheniya problem // Pravo i politika. – 2006. – № 5.

Статья поступила в редакцию 19.02.12

УДК 94 (98) + (571)

Suleymanov A.A. EXPEDITIONS OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE ASIAN NORTH IN 1930th. History of Academy of Sciences expeditions in the Arctic regions of the Asian part of Soviet Union in the 1930–1939 was considered in the article. The main directions of research, their features and the most important results were identified.

Key words: Arctic, Siberia, Yakutia, Taimyr, Yamal, Academy of Sciences, expedition, the history of sciences.

*A.A. Сулейманов, младший научный сотрудник сектора арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, E-mail: alexas1306@gmail.com*

ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР НА АЗИАТСКИЙ СЕВЕР В 30-Е ГГ. XX В.

В статье рассматривается история экспедиционной деятельности Академии наук в арктических районах азиатской части СССР 1930–1939 гг. Определены основные направления проведенных исследований, их особенности и важнейшие результаты.

Ключевые слова: Арктика, Сибирь, Якутия, Таймыр, Ямал, Академия наук, экспедиция, история науки.

Значительные перспективы Арктики в мировом развитии, ее важнейшее значение для будущего России все активнее отмечают государственные и общественные деятели, ученые, предшественники средств массовой информации. Параллельно признается и важность научного изучения этого уникального региона нашей планеты, познать который без учета накопившихся вековых исследовательских традиций, исторической реконструкции деятельности научных учреждений и отдельных ученых невозможно. Вместе с тем, история исследований в Арктике крупнейшего центра российской науки – Академии наук – к настоящему времени изучена фрагментарно. Сравнительно неплохо охвачена вниманием ученых история дореволюционных академических работ на Севере [1; 2; 3], тогда как период после 1917 г., фактически выпал из фокуса специальных исторических исследований [4]. Основная цель данной статьи – восполнить этот пробел в таком его сегменте как история экспедиций Академии наук в азиатские районы Советской Арктики в 30-е гг. XX в., очертить основные контуры данной проблематики.

Следует отметить, что изучению арктических районов азиатской части нашей страны Академия наук стала уделять самое пристальное внимание с первых лет своего существования. Основной формой научного познания этих районов сразу же стали экспедиционные исследования. Именно в Заполярной Сибири была проведена значительная часть изысканий Первой (1725–1730 гг.) и Второй Камчатских экспедиций (1733–1743 гг.), экспедиции М.И. Адамса (1806–1807 гг.), А.Ф. Миддендорфа (1842–1845 гг.), Ленская полярная (1882–1883 гг.), А.А. Бунге и Э.В. Толля (1885–1886 гг.), Э.В. Толля и Е.И. Шилейко (1892–1893 гг.), Русская полярная (1900–1902 гг.), И.П. Толмачева (1905 г.), К.А. Воллосовича (1908 г.), И.П. Толмачева и К.А. Воллосовича (1909–1910 гг.) и др. [2]. К началу XX столетия изучение Арктики заняло в деятельности Академии наук такое важное место, что в 1914 г. специально для координации исследований в регионе была создана Полярная комиссия. В 1920-е гг. эта структура способствовала организации экспедиций в Якутию (Комиссия по изучению производительных сил Якутской АССР 1925–1930 гг.), на Гыданский полуостров и Таймыр (экспедиции А.И. Толмачева в 1926 и 1928 гг.) [4]. С 1929 г. Поляр-

ная комиссия стала принимать активное участие в подготовке Советского Союза к исследованиям по программе Второго Международного полярного года (1932–1933 гг.) – международной инициативы, призванной объединить усилия ученых из разных стран мира в познании природы Арктики и Антарктики.

В соответствии с решением Комитета СССР по проведению 2-го Международного полярного года Полярной комиссии Академии наук СССР было поручено организовать метеорологические станции в селениях Волочанка и Хатангское на Таймыре. В марте 1932 г. Полярная комиссия обратилась к президиуму Академии наук с просьбой разрешить ей на средства Гидрометеорологического комитета провести экспедицию для устройства этих метеорологических станций, с дополнительной задачей осуществить рекогносцировочное обследование водного пути в междуречье Хатанги и Енисея. Вскоре такое разрешение было получено [4, с. 139].

В результате, в 1932 г. Полярная комиссия отправила на Енисейский Север две экспедиции – Хатангскую, на средства Гидрометеорологического комитета СССР, и Нижне-Тунгусскую, по договору с Советом по изучению производительных сил АН СССР. Работы этих экспедиций опирались на исследования Чунского отряда Туруханской экспедиции Академии наук 1931 г., проводившиеся под общим руководством ученого секретаря Полярной Комиссии А.И. Толмачева.

Задачей Чунского отряда было «предварительное естественно-историческое освещение района и его производительных сил и выяснение конкретных объектов для детального обследования и систематического изучения края в последующие годы» [5, с. 341]. Отряд в составе начальника, зоолога (А.Н. Смесов, он же вел астрономические наблюдения), топографа (Победоносцев), геолога (Маландин), биолога (А.М. Рубин) и ихтиолога (Шидловский) покинул Ленинград 13 марта 1931 г. и в начале апреля прибыл в село Кежка на Ангаре. 19 апреля исследователи достигли фактории Стрелка на реке Чуна по пути выполнив съемку дороги. 29 апреля отряд начал метеорологические наблюдения, которые велись до конца декабря. По Чуне, являвшейся до той поры по выражению А.Н. Смесо́ва «белым пятном карты», исследователи прошли около 500 км. В ходе изысканий было определено 6 астропунктов, собраны биологи-

ческие, геологические и зоологические коллекции, полная коллекция рыб окрестных водоемов. А.М. Рубин составил описание почв исследованного района, лесной растительности, флоры прибрежной полосы и самой реки Чуна [6]. Участники экспедиции определили примерное количество древесины района, заложили несколько пробных площадок для ее добычи, обнаружили залежи каменного угля, магнитного железняка, охры [7].

На следующий год А.Н. Смесов и А.М. Рубин участвовали в работах уже Хатангской и Нижне-Тунгусской экспедиций, общее руководство которыми осуществлял А.И. Толмачев. А.М. Рубин возглавлял полевые работы Нижне-Тунгусской экспедиции (он же был и ботаником экспедиции). Также, в состав экспедиции входили: геоморфолог С.Л. Кушев, его помощник М.В. Куликов, почвовед Е.Н. Агафонов, помощника ботаника И.Ф. Москиль. Ученые в течение лета 1932 г. провели геоморфологические, геохронологические, почвенные и ботанические исследования района Нижней Тунгуски от места ее впадения в Енисей до устья реки Тутончана. С.Л. Кушев и М.В. Куликов охарактеризовали гидрологический режим Нижней Тунгуски, геоморфологическую и геологическую структуру местности, выделив два района, отличающихся своим строением. Одновременно специалисты определили нахождение верхней границы многолетней криолизотроны, ее температурные условия, характер пород и на этой основе составили карту географического распространения вечной мерзлоты в нижнем течении Нижней Тунгуски, а также дали практические рекомендации хозяйствам по предотвращению оттаивания мерзлых пород [8]. Кроме того, члены Нижне-Тунгусской экспедиции организовали метеостанцию на Ногинском руднике, вошедшую в опорную сеть Второго международного полярного года [4, с. 68].

А.Н. Смесов являлся начальником Хатангской экспедиции. В составе экспедиции были также А.И. Толмачев (в качестве ботаника), геоморфолог С.П. Суслов и 6 наблюдателей на станции – студенты Московского гидрометеорологического института. 28 июня 1932 г. члены экспедиции прибыли в село Дудинка в низовьях Енисея, откуда отправились к озеру Боганидское. Здесь, больше двух месяцев ожидая транспорт до Норильска, ученые развернули исследовательский лагерь. А.И. Толмачев сбором коллекционного материала продолжил начатое им в 1926 г. изучение флоры Таймыра. С.П. Суслов исследовал геоморфологию озера и прилегающей к нему тундры. А.Н. Смесов собрал коллекцию птиц и совместно с С.П. Суловым произвел съемку озера. Из-за проблем с транспортом станции на Волочанке и Хатанге были организованы только в начале 1933 г. При содействии Восточно-Сибирского гидрометеорологического комитета и Государственного географического общества, предоставивших дополнительные приборы, члены экспедиции также расконсервировали метеорологическую станцию в Дудинке и открыли новую станцию в Норильске. В ходе экспедиционных маршрутов А.Н. Смесов охарактеризовал рельеф и флору окружающей местности, описал жилища долган, хозяйственный цикл аборигенного населения. Интересны наблюдения ученого за русскими жителями низовой Енисея, так называемых затундренских крестьян. Некоторые из них ко времени экспедиции уже не говорили по-русски и стали «терять русский тип» (смешанные браки). Хотя большинство крестьян к тому времени еще не забыло родной язык, но по одежде, обычаям и быту это были уже «настоящие долганы» [9].

Наблюдения А.Н. Смесова относятся к концу 1932 г. – началу 1934 г., немного ранее – в 1930–1931 гг. среди долган работал сотрудник Музея антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР А.А. Попов. Целью экспедиции было «всесторонне исследование жизни долган, обитающих между реками Енисей и Хатанга для выяснения их этнического происхождения, социальной структуры и современного положения советизации края» [10, с. 210]. Для этого летом ученый кочевал вместе с долганами, зимой – жил в их поселках. В ходе экспедиции А.А. Попов составил описание летних и зимних жилищ долган, техники обработки дерева, мамонтовой кости, оленьего рога, железа и шкур [11]. Ученый исследовал социальную структуру долган: определил, что она имела ярко выраженный родовой характер с пережитками первобытного коммунизма, при этом женщине отводилась подчиненная роль. А.А. Попов получил значительный массив экономико-хозяйственных сведений, включая статистические данные по охоте и рыболовству. Исследователь составил календарь этих видов деятельности у долган, описал виды и способы охоты, дал рекомендации органам вла-

сти по срокам добычи песка – главного промыслового зверя региона. Одновременно А.А. Попов охарактеризовал снаряды и методы лова отдельных пород рыб и составил рыболовную карту Норильского района и района реки Агапы. Кроме того, ученый собрал материалы по оленеводству, включающие показатели общего количества поголовья и мобильности стада за год, а также определил причины вымирания оленей и предложил возможные пути решения этой проблемы [10, с. 210-213].

Через 5 лет после окончания своей экспедиции к долганам А.А. Попов вновь был командирован на Таймыр. На этот раз – Институтом этнографии Академии наук СССР – для изучения другого аборигенного этноса Заполярья – нганасан. В сентябре 1936 г. исследователь начал свои изыскания в поселке Волочанка, около которого издавна проживала центральная группа т.н. авамских (западных) нганасан. В конце декабря А.А. Попов прибыл в станок Исаевский – ареал сосредоточения вадеевского (восточного) племени этого народа. С конца марта до поздней осени ученый кочевал вместе с семьей нганасан по Таймыру. После чего до весны 1938 г. вновь работал в районах Исаевского и Волочанки.

Во время своих изысканий, А.А. Попов определил маршруты кочевий вадеевских нганасан. Он проследил и записал годичный хозяйственный цикл мужчин и женщин этноса, охарактеризовал методы и виды охоты на диких оленей и гусей, а также сфотографировал и зарисовал разнообразные трудовые процессы. Исследователь составил описание праздничных и погребальных нарядов нганасан, оленьих упряжек, собрал значительный массив данных по социальному строю нганасан, включая брачные и родильные семейные обряды, терминологию родства, правовые взаимоотношения. Значительное внимание А.А. Попов уделил изучению искусства народа – обнаружил более ста экземпляров резьбы по кости, зарисовал некоторые орнаменты. Одновременно ученый получил сведения о шаманстве и анимизме, записал две шаманские автобиографии, легенды о космогонии, истории народа, пословицы, двенадцать былин и сказок. Кроме того, исследования дали представления о песнях и языке нганасан, в том числе позволили составить словарный материал из 4000 слов, изучить грамматические формы. Всего за время экспедиции А.А. Попов сделал 800 фотографий, собрал коллекцию из 500 предметов, включая орудия охоты и рыболовства, одежду, сосуды для хранения жира, мяса и т.п., религиозные артефакты. На основе полученных полевых материалов ученый подготовил две монографии: первая – «Нганасаны. Материальная культура» – была издана в 1948 г, вторая, получившая название «Нганасаны. Социальное устройство и верования», включающая сведения об общественных отношениях, религиозных взглядах и изобразительном искусстве народа была издана уже после смерти автора в 1984 г. Помимо чисто научных результатов экспедиции, А.А. Попов представил докладную записку об улучшении быта нганасан [12].

Экспедиции к долганам и нганасанам стали логическим продолжением научных исследований А.А. Попова, начатых им в Якутии во второй половине 20-х гг. XX в. Здесь Андрей Александрович с 1927 по 1929 гг. работал в составе одного из крупнейших мероприятий Академии наук того времени – Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР (КЯР). Исследования в рамках КЯР были завершены в 1930 г. [13, с. 164-165]. Однако еще в 1929 г., по инициативе ученых, высшие органы республики (ЦИК и СНК) признали целесообразным продолжить исследования в 1930-1935 гг., одоблив представленный проект плана научных работ. В современной литературе существует несколько точек зрения на вопрос, почему такие плодотворные исследования не были продолжены. По-видимому, следует согласиться с А.Г. Гранбергом, определившим две основные причины. Первая – появление новых прагматических приоритетов в размещении производительных сил страны, среди которых пока не было места Якутии, тогда как значительные по своим масштабам комплексные экспедиции были развернуты на Дальнем Востоке, Урале и Кольском полуострове, в Поволжье, Киргизии и других районах Советского Союза (в каждую из них входило по 4-6 отрядов). Второй причиной А.Г. Гранберг называет репрессии политических деятелей и ученых, затронувшие активных организаторов и участников КЯР [14, с. 1134-1135].

Однако, несмотря на все эти трудности, академические изыскания в арктических районах Якутии, хотя и в очень скромных масштабах, были продолжены.

Так, летом 1935 г. в окрестностях села Булун и бухты Тикси работала Нижне-Ленская экспедиция Ботанического института

АН СССР. В ней участвовали научные сотрудники института Б.Н. - Городков и Б.А. Тихомиров [15].

В ходе изысканий ученые собрали материал по характеристике растительного покрова, включая сведения о происхождении тундровой флоры и ее разнообразии в зависимости от рельефа местности, составили описание отдельных видов растений. Одновременно специалисты ознакомились с процессами почвообразования в прибрежных районах Якутии: проследили изменения типов почв в зависимости от происходящих геохронологических процессов, определили температурные условия грунтов и глубину летнего оттаивания мерзлоты.

Наряду с названными исследованиями, Б.Н. Городков и Б.А. Тихомиров занимались и прикладными разработками. Так, ученые определили участки, пригодные для земледелия, предложили пути развития кормовой базы животноводства, огородного и ягодного хозяйства для будущего поселка Тикси. Кроме того, исследователи собрали образцы торфа на биологический и химический анализ для выяснения возможности его применения в качестве местного топлива и удобрения в сельском хозяйстве, а также образцы почв и древесины кедрового стланика для изучения их технических свойств [16].

В том же, 1935 г., состоялась академическая экспедиция в Ямальский национальный (Ненецкий) округ Уральской области (сейчас – Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области) для исследования условий залегания трупов мамонтов, обнаруженных незадолго до этого местными рабочими. В состав экспедиции, организатором которой выступил Зоологический институт Академии наук СССР, вошли археолог В.С. Адрианов (от Института антропологии и этнографии АН СССР) и препаратор Фролов (Зоологический институт). Одновременно с изучением найденных мамонтов, экспедиции предписывалось заняться сбором образцов современной фауны региона, археологической разведкой и по возможности раскопками.

Исследователи прибыли на базу экспедиции в поселок Новый Порт на Ямале весной 1935 г. В его окрестностях они произвели биологическую часть работ: отметили 63 вида, обитающих здесь зверей и птиц, а также собрали фаунистическую коллекцию, включавшую около 300 экземпляров, с которой Фролов отбыл обратно в Ленинград

В середине июля, когда «тундра очистилась от снега», В.С. Адрианов отправился из Нового Порта к предполагаемому месту захоронения мамонтов. По пути ученый произвел съемку части маршрута и совершил этнографические наблюдения: описал и сфотографировал культовые места, а также погребальные обряды ненцев, связанные с традицией двукратных похорон, когда умерших зимой перезахоранивали летом. Прибыв на место нахождения трупов ископаемых, В.С. Адрианов установил, что большинство из них вторичного залегания (т.е. перенесены из других мест морем), а сохранность мамонтов очень плохая – остались только скелеты или отдельные фрагменты [17, с. 103-107].

После выполнения основного задания, В.С. Адрианов с 10 рабочими приступил к археологической разведке и раскопкам древнего поселения в устье реки Полуи в 5 км от Салехарда. На небольшой площадке в 300 квадратных метров ученый нашел 12 тысяч предметов, в том числе 1,5 тысячи изделий из кости, бронзы и камня. Во время работ было сделано множество находок о хозяйственной деятельности поселения (обломки глиняной посуды, фрагменты стрел, крючки для вязания, шилья, пряжки, ложки из кости и др.), которые, наряду с предметами искусства – скульптурными изваяниями и рисунками, представляющими собой «образцы тонкого мастерства», позволили В.С. Адрианову и его коллегам из Института антропологии и этнографии АН СССР сделать вывод о превосходстве материальной культуры обнаруженного городища над культурой современных коренных жителей округа (ненцы, ханты) [18].

Неудивительно, что в следующем году В.С. Адрианов был командирован Институтом антропологии и этнографии АН СССР для продолжения археологических работ в районе Салехарда.

В результате новых исследований ученый доставил в Ленинград 11034 предмета. Среди которых было богатое разнообразие фрагментов глиняной посуды, костяных лопаточек, ножей, гарпунов, острогов, панцирных пластинок, крючков, приспособлений для привязывания собак, скребков для кожи, стрел, серпов и других находок. Одновременно В.С. Адрианов собрал обширные коллекции ритуальных и культовых предметов хантов района Салехарда, а также привез негативы и отпечатки фотографий, сделанные им во время пребывания у хантов и ненцев [19].

Если находки трупов мамонтов в Ямало-Ненецком округе пробудили у академического сообщества значительный интерес, то сообщение начальника острова Врангеля в Северном Ледовитом океане Г.Г. Петрова об обнаружении цельной туши этого ископаемого животного вызвали настоящий ажиотаж. Согласно радиogramмам Г.Г. Петрова мамонта нашли 7 октября 1937 г. на южном берегу острова охотовед Валейнес, водитель вездехода Перов и эскимос Ннокко во время установки избушки-кормушки для песцов. Труп был расположен на берегу моря «в морской гальке». О самом мамонте сообщалось, что «он лежит спиной вверх, его длина составляет 6 м, длина хобота – 3 м, хвоста – 80 см, шерсти – 8 см. У трупа частично повреждены зверьями голова и хобот и выеден кусок мяса в передней левой ноге; ... мясо в поясничной части белого цвета, на голове — красного, с незначительным запахом. Бивней не видно, возможно потому, что голова мамонта находится в полусогнутом положении и обнажена лишь частично» [20, с. 61-63].

5 января 1938 г. Президиум Академии наук рассмотрел план работ экспедиции на остров Врангеля. Ее начальником был утвержден старший научный сотрудник Палеонтологического института АН СССР Р.Ф. Геккер. Саму экспедицию было решено организовать как комплексную. В этой связи перед ней ставились три основные задачи: 1 – изучение трупа мамонта на месте, его раскопки и доставка с острова Врангеля во Владивосток, а затем в Москву; 2 – сбор остатков других четвертичных млекопитающих, растений, беспозвоночных, изучение четвертичных отложений, геоморфологии острова, древних и современных мерзлотных явлений в целях восстановления географического ландшафта, геологических условий, климата и картины жизни в период существования мамонтов; 3 – изучение современной флоры и фауны, природно-климатических условий острова.

Исходя из поставленных задач, был определен состав участников экспедиции: руководитель (он же палеонтолог) Р.Ф. Геккер, геоботаник-почвовед Б.Н. Городков, геолог-геоморфолог К.К. Марков, зоолог Л.А. Портенко, микробиолог А.Е. Крисс, мерзлотовед С.П. Качурин, анатом А.Н. Дружинин, инженер А.А. Гаврилов и 12 рабочих [21].

29 июня 1938 г. экспедиция отправилась на пароходе «Океан» из Владивостока на остров Врангеля. Однако по прибытии на место исследований ученых ждало разочарование – выяснилось, что на морской гальке был найден не труп мамонта, а останки кита. Несмотря на возникшие трудности, ученые оперативно сориентировались в изменившихся обстоятельствах и разработали фактически новую программу исследований. В результате изысканиями был охвачен широкий круг научных проблем, связанный с биологическими ресурсами острова, его геологическим строением, возможностями хозяйственной деятельности. Ученые составили описание рельефа местности, отметили виды флоры и фауны, встреченные на острове, собрали пробы минеральных пород, рассмотрели вопросы, связанные с охотой. При этом, проведенные работы были первыми комплексными исследованиями в истории изучения острова Врангеля, как и изданная участниками экспедиции в 1951 г. монография [22].

На следующий после завершения экспедиции Р.Ф. Геккера год Академия наук организовала геохронологические исследования в Заполярной Якутии. В Кыра-Нераханский отряд Якутской экспедиции вошли 2 научных сотрудника – инженеры П.Ф. Швецов и В.П. Седов. 8 марта 1939 г. они выехали из Москвы на место исследований – восточный склон хребта Тас-Хаяхта (Яно-Индибирское междуречье), на речку Кыра (в 500 км северо-восточнее Верхоянска). В задачу отряда входило исследование наледи в нижнем течении Кыры, впервые обнаруженной и бегло описанной в 1868 г. Г. Майделем. Однако ни Г. Майдель, ни работавшие после него исследователи, не смогли выяснить генезис наблюдавшегося наледного явления, по своим размерам одного из крупнейших на земной шаре.

7 мая 1939 г. отряд прибыл на описанную Г. Майделем наледь в долине речки Кыра. При первом же осмотре ученые выяснили, что фактически здесь имеется не одна наледь, а три, которые соединяются между собой узкими горловинами. Исследователи дали этим наледям названия: Верхняя, Нижняя и Нехоранская (по названию одной из проток Кыры). Ученые определили габариты наледей и измерили максимальную мощность их льда. При выяснении генезиса тарынов П.Ф. Швецов и В.П. Седов обнаружили выходы трех источников подземных вод, соответствующих наледям и незамерзающих круглый год. Ученые

определили суммарный дебит этих источников (он оказался колоссальным, равным примерно 3 кубометрам в секунду) и температуру воды. Исследователи выяснили уровень минерализации воды, ее жесткость, собрали пробы выделявшихся на поверхность соли и газа, для последующего лабораторного анализа в Москве. Одновременно П.Ф. Швецов и В.П. Седов провели опрос местного населения на предмет наличия других источников наледей в близлежащей местности и по его итогам обследовали один из таких источников на речке Ойегордах. Ученые измерили его температуру, определили приблизительный химический состав и суммарный дебит [23].

По итогам исследований П.Ф. Швецов и В.П. Седов подготовили и в 1941 г. издали монографию. В ней впервые подробно рассматривалась проблема образования наледей, источником которой, по мнению авторов выступают подмерзлотные глубинные воды. Хребет Тас-Хыяхтах они выделили в особенную, новую гидрогеологическую провинцию, а проблемы водоснабжения, строящихся на севере промышленных предприятий и сельского хозяйства, предложили решить за счет использования подземных вод [24, с. 78-80].

Таким образом, представленный выше фактический материал позволяет заключить, что в исследуемый период времени Азиатский Север находился на периферии экспедиционной деятельности Академии наук, сосредоточившей свои основные силы на изучении производительных сил страны в других регионах Советского Союза. Вместе с тем, даже такие ограниченные и значительно менее масштабные экспедиционные изыскания значительно раздвинули границы человеческого знания об арктических районах азиатской части страны. Среди основных направлений рассмотренных академических экспедиций следует назвать: исследование традиций и образа жизни коренных народов (долганы, нганасаны), сбор материалов о флоре и фауне, палеонтологические работы, разведка минеральных запасов, а также геокриологические изыскания. Характерной особенностью большинства этих экспедиций была выработка их участниками практических рекомендаций по улучшению быта местного населения, оптимизации и рационализации хозяйственной деятельности. Главный же результат названных выше исследований – еще один шаг вперед на пути к организации стационарного изучения Азиатского Севера отечественной Академией наук.

Библиографический список

1. Ширина, Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Восток Азии в дореволюционный период. – Новосибирск, 1983.
2. Ширина, Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1925–1917 гг. – Новосибирск, 1994.
3. Ширина, Д.А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. – Новосибирск, 2001.
4. Красникова, О.А. Академия наук и исследования в Арктике: научно-организационная деятельность Полярной комиссии в 1914-1936 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – М., 2006.
5. Смесов, А.Н. Комплексный Чуньский отряд // Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г.: сб. ст. – Л., 1932.
6. Рубин, А.М. Растительность долины р Чуни, притока Подкаменной Тунгуски // Труды Полярной комиссии. – М., Л., 1935. – Вып. 21.
7. Архив РАН. Ф. 174. Оп. 16. Д.9. Л. 161-162.
8. Кушев, С.Л. Вечная мерзлота в районе нижнего течения реки Нижняя Тунгуска // Труды Комиссии по изучению вечной мерзлоты. – Л., 1934. – Т. III.
9. Смесов, А.Н. Метеорологические станции сети 2-го Международного полярного года (Хатангская экспедиция) // Вестник Академии наук СССР. – 1933. – №5.
10. Попов, А.А. Поездка к долганам // Советская этнография. – 1931. – № 3-4.
11. Попов, А.А. Техника у долган // Советская этнография. – 1937. – № 1.
12. Попов, А.А. Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии наук СССР // Советская этнография. – 1940. – №3.
13. Ширина, Д.А. Отечественная Академия наук и Якутская комплексная экспедиция // Народы Евразии: проблемы национальной истории: сб. ст. – Якутск, 2009.
14. Гранберг, А.Г. О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции // Вестник Российской академии наук. – 2005. – № 12.
15. Архив РАН. Ф. 174. Оп. 106. Д. 23. Л. 5.
16. Городков, Б.Н. На севере Якутии / Б.Н. Городков, Б.А. Тихомиров // Экспедиции Академии наук СССР 1935 г.: сб. ст. – М.; Л., 1937.
17. Адрианов, В.С. Вглубь истории // Экспедиции Академии наук СССР 1935 г.: сб. ст. – М., Л., 1937.
18. Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
19. Решетов, А.М. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: «жизнь, прерванная на взлете» // Древности Ямала. – Екатеринбург-Салехард, 2000. – Вып. 1.
20. Геккер, Р.Ф. Экспедиция Академии наук СССР на остров Врангеля за трупом мамонта // Вестник Академии наук СССР. – 1938. – № 1.
21. Архив РАН. Ф.564. Оп.1. Д. 1. Л. 28-29, 51.
22. Геккер, Р.Ф. Крайний Северо-Восток Союза ССР (остров Врангеля) / Р.Ф. Геккер, Б.Н. Городков. – М., 1952.
23. Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91. Л. 2-4, 26-29.
24. Швецов, П.Ф. Гигантские наледы и подземные воды хребта Тас-Хаяхатах / П.Ф. Швецов, В.П. Седов. – М.; Л., 1941.

Bibliography

1. Shirina, D.A. Letopisj ehkspedicijy Akademii nauk na Severo-Vostok Azii v dorevoljucionnijj period. – Novosibirsk, 1983.
2. Shirina, D.A. Peterburgskaya Akademiya nauk i Severo-Vostok. 1925–1917 gg. – Novosibirsk, 1994.
3. Shirina, D.A. Rossiya: nauchnoe issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g. – Novosibirsk, 2001.
4. Krasnikova, O.A. Akademiiya nauk i issledovaniya v Arktike: nauchno-organizacionnaya deyatel'nostj Polyarnoj komissii v 1914-1936 gg.: dis. ... kand. istor. nauk. – M., 2006.
5. Smesov, A.N. Kompleksnijj Chunjskijj otryad // Ehkspedicii Vsesoyuznoj Akademii nauk 1931 g.: sb. st. – L., 1932.
6. Rubin, A.M. Rastitel'nostj dolinij r Chuni, pritoka Podkamennoj Tunguski // Trudih Polyarnoj komissii. – M., L., 1935. – Vihp. 21.
7. Arkhiv RAN. F. 174. Op. 1b. D.9. L. 161-162.
8. Kushev, S.L. Vechnaya merzlota v rayjone nizhnego techeniya reki Nizhnyaya Tunguska // Trudih Komissii po izucheniyu vechnoj merzlotoj. – L., 1934. – T. III.
9. Smesov, A.N. Meteorologicheskie stancii seti 2-go Mezhdunarodnogo polyarnogo goda (Khatangskaya ehkspediciya) // Vestnik Akademii nauk SSSR. – 1933. – №5.
10. Popov, A.A. Poeszdka k dolganam // Sovetskaya ehtnografiya. – 1931. – № 3-4.
11. Popov, A.A. Tekhnika u dolgan // Sovetskaya ehtnografiya. – 1937. – № 1.
12. Popov, A.A. Iz otcheta o komandirovke k nnganasanam ot Instituta ehtnografii Akademii nauk SSSR // Sovetskaya ehtnografiya. – 1940. – №3.
13. Shirina, D.A. Otechestvennaya Akademiya nauk i Yakutskaya kompleksnaya ehkspediciya // Narodih Evrazii: problemih nacional'nojy istorii: sb. st. – Yakutsk, 2009.
14. Granberg, A.G. O razvitii proizvoditel'nyhkh sil Yakutii. K 80-letiyu Yakutskoj kompleksnoj ehkspedicii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. – 2005. – № 12.
15. Arkhiv RAN. F. 174. Op. 10b. D. 23. L. 5.
16. Gorodkov, B.N. Na severe Yakutii / B.N. Gorodkov, B.A. Tikhomirov // Ehkspedicii Akademii nauk SSSR 1935 g.: sb. st. – M.; L., 1937.
17. Adrianov, V.S. Vglubj istorii // Ehkspedicii Akademii nauk SSSR 1935 g.: sb. st. – M., L., 1937.
18. Arkhiv RAN. F. 142. Op. 1. D. 1. L. 5.
19. Reshetov, A.M. Sovetskijj arkhheolog i ehtnograf Vasiliy Stepanovich Adrianov: «zhiznj, prevannaya na vzlete» // Drevnosti Yamala. – Ekaterinburg-Salekhard, 2000. – Vihp. 1.
20. Gekker, R.F. Ehkspediciya Akademii nauk SSSR na ostrov Vrangelya za trupom mamonta // Vestnik Akademii nauk SSSR. – 1938. – № 1.

21. Arkhiv RAN. F.564. Op.1. D. 1. L. 28-29, 51.
 22. Gekker, R.F. Krayjniyj Severo-Vostok Soyuza SSR (ostrov Vrangelya) / R.F. Gekker, B.N. Gorodkov. – M., 1952.
 23. Arkhiv RAN. F. 174. Op. 26. D. 91. L. 2-4, 26-29.
 24. Shvecov, P.F. Gigantskie naleidi i podzemnihe vodih khrepta Tas-Khayakhatakh / P.F. Shvecov, V.P. Sedov. – M.; L., 1941.

Статья поступила в редакцию 19.02.12

УДК 94(4)

Shandra A.V., Prokhorov E.V. THE PROCESS OF DEMOCRATIZATION OF THE DOCTRINE OF THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN IN THE LATE 1950s – 1960s. This article discusses the process of democratization of the doctrinal foundations of the Conservative Party of Great Britain in the 1950s – 1960s. This process has several features that are determined by the new realities of British political life, in particular, the increasing influence of the Labour Party. Particular attention is paid to the issue of ensuring tory electoral base in the period.

Key words: democratization, Conservative Party of Great Britain, Labour Party, electorate, tory.

А.В. Шандра, канд. ист. наук, доц. ФГБОУ ВПО «Арзамасский гос. педагогический институт им. А.П. Гайдара», E-mail: shandra83@rambler.ru; **Е.В. Прохоров**, студент 5 курса историко-филологического факультета ФГБОУ ВПО «Арзамасский гос. педагогический институт им. А.П. Гайдара», г. Арзамас, E-mail: shandra83@rambler.ru

ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ 1950-Х – 1960-Х ГОДОВ

В статье рассматривается процесс демократизации доктринальных основ консервативной партии Великобритании в 1950-е – 1960-е годы. Этот процесс имел ряд особенностей, которые определялись новыми реалиями британской политической жизни, в частности, усилением влияния лейбористской партии. Особое внимание в статье уделяется вопросу обеспечения электоральной базы тори в указанный период.

Ключевые слова: демократизация, консервативная партия Великобритании, лейбористская партия, электорат, тори.

В условиях обострившихся социальных противоречий после Второй мировой войны, британские консерваторы были вынуждены существенно корректировать концептуальные основы в деятельности партии. Прежде всего, это выражалось во временном и частичном расширении своей социальной базы, время от времени прибегать к уступкам в социальных требованиях общественности. Этот фактор во многом предопределил новые задачи консервативной партии, стремившейся обновить теоретические основы, в частности, посредством новой трактовки понятия «демократия».

Прежде всего, своеобразная демократизация доктрины консервативной партии произошла за счёт расширения программы социальных реформ. Лидерам тори пришлось вспомнить о дизраэлевской традиции буржуазного реформизма. Они опирались также на разработку реформистских идей, предпринятую в 1930-е годы группой молодых консервативных деятелей, включавшей, в частности, Г. Макмиллана.

О понимании необходимости реформистской политики говорит хотя бы следующее заявление лорда Хэйлшема, сделанное еще в 1943 г.: «Если вы не дадите народу социальную реформу, то получите от него социальную революцию»¹. Таким образом, консервативная партия рассчитывала существенно расширить свою электоральную базу, перейдя от «обращения к заинтересованному меньшинству» к разработке более демократичной модели политического процесса. Это выразилось, главным образом, в разработке «нового консерватизма».

Работа по созданию «нового консерватизма» была возглавлена Р. Батлером. Вместе с ним в поддержку реформистского курса выступили Ян Маклеод, Г. Макмиллан. Им удалось повести за собой большинство партии. В период пребывания в оппозиции консерваторы взяли на вооружение многие теории, которые раньше они осуждали как «социалистическую крамолу». Главными чертами «нового консерватизма» были признание необходимости вмешательства государства в экономику и социальную политику, а также осуществление ряда практических уступок рабочим и служащим.

Программные документы «нового консерватизма», опубликованные в конце 1940-х годов, были насыщены тезисами, которые в общем-то, соответствовали идее социально-ориентированной политики. Придя к власти в 1951 г., они широко прибегли

к социальному лавированию, чему способствовала благоприятная экономическая конъюнктура начала 1950-х годов. Они не только не отменили большинство социальных реформ лейбористского правительства, но в некоторых направлениях развили и продолжили их. По именам консервативного реформатора Р. Батлера и правого лидера лейбористов Х. Гейтскелла двухпартийная политика правительства тори в 1950-е годы получила название «батскеллизма».

Нужно заметить, что социальная направленность политической доктрины консерваторов была связана с определённой социально-экономической конъюнктурой. Безработица, сократившаяся в Великобритании в годы войны, была в основном сравнительно низкой до начала 1960-х годов. Если в 1930-1935 гг. она составляла 2-3 млн. человек, то на протяжении 1950-х годов ее уровень колебался между 250 тыс. и 500 тыс. и лишь в 60-е годы начал расти, оставаясь все же значительно ниже довоенного [1, р. 125]. Увеличилась реальная заработная плата. В 1951-1955 гг. была отменена оставшаяся от военного времени карточная система на продукты питания и предметы потребления. Многие рабочие семьи начали обзаводиться предметами длительного пользования: телевизорами, холодильниками, стиральными машинами. Некоторым удалось купить автомобили, приобрести в рассрочку собственные дома. Покупка в кредит распространилась в небывалых ранее масштабах. Часть рабочих покинула перенаселенные трущобы в центрах старых промышленных городов и переселилась в пригороды или же в новые города-спутники, где оказалась по соседству со служащими и мелкими буржуа. Требования научно-технического прогресса заставляли государство уделять внимание проблеме обучения и переобучения промышленных кадров, увеличивать число технических колледжей. Были предприняты некоторые меры по демократизации системы образования.

Несмотря на всю ограниченность проведенных социальных реформ, консерваторы постарались извлечь из них максимальную выгоду для себя. Какие бы мотивы ни побуждали их идти на уступки в социальной области, они пытались внушить англичанам, что делают это по своей доброй воле, искренне заботясь об условиях жизни народа. Предвыборные документы тори акцентировали внимание избирателей на улучшении их материального положения, уверяя, что именно по этому пункту консервативная партия добилась успеха, тогда как лейбористская провалилась. В манифесте «Объединенные для дела мира

¹ Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 386, col. 1818